

DOI 10.15826/izv1.2021.27.2.047
УДК 070.1 + 070.4 + 378.6(470-25)

Р. Л. Исхаков

«БОЛЬШОЕ ВИДИТСЯ НА РАССТОЯНЬИ...»: ВЗГЛЯД НА ГАЗЕТОВЕДЕНИЕ ЧЕРЕЗ СТО ЛЕТ

Рец. на кн.: Фатеева И. А. Газетоведение как научно-образовательная школа в России: сто лет спустя : монография. — М. : МПГУ, 2020 — 368 с.

Впервые в исторической науке автор обращается к истокам теории журналистики, первым шагам исследования творчества газетных авторов. Многие годы после разгрома в 1930-х гг. школы газетоведения тема первых научных школ журналистики была закрытой. Автор монографии возвращает в научное сообщество имена первых исследователей журналистики.

К л ю ч е в ы е с л о в а: газетоведение; К. П. Новицкий; Московский институт журналистики; научная школа; самоорганизация

В Москве вышла в свет монография Ирины Фатеевой «Газетоведение как научно-образовательная школа в России: сто лет спустя». Монография представляет собой результат многолетнего изучения Ириной Анатольевной существовавшего в 1920–1930-х гг. отечественного теоретического направления, посвященного журналистике, — *газетоведения*.

Вчитываясь в книгу и мысленно конструируешь образ автора, который предстает на страницах книги. Впервые с Ириной Анатольевной Фатеевой довелось встретиться в Челябинске на состоявшейся 30 ноября — 2 декабря 2007 г. Международной научно-практической конференции, посвященной 20-летию высшего журналистского образования на Южном Урале. В конференции участвовали ученые и педагоги из Австрии, Чехии, Казахстана и России.

И. А. Фатеева и была вдохновителем научного симпозиума: конференция представляла некое, по ее же определению, «негеометрическое тело» под названием «СМИ — общество — образование: модели взаимодействия». Исследовательские интересы участников конференции отражали пять граней. Два последних раздела программы из пяти были посвящены педагогическим вопросам. Один из них назывался «СМИ и образование: профессиональное медиаобразование», другой — «СМИ и образование: массовое медиаобразование». Они отражали кредо Фатеевой — педагога по образованию и члена Союза журналистов с 1997 г. — медиаобразование.

Ныне И. А. Фатеева — профессор кафедры ЮНЕСКО медиа- и информационной грамотности и медиаобразования граждан Московского педагогического государственного университета.

ИСХАКОВ Рафаиль Лутфуллович — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры периодической печати и сетевых изданий Уральского федерального университета; член-корреспондент Академии энциклопедических наук (e-mail: rafail.iskhakov@urfu.ru). ORCID: 0000-0002-9655-7086

© Исхаков Р. Л., 2021

В 1987 г. она окончила Челябинский государственный университет по специальности «Филология». В 1987–1994 гг. работала учителем, заместителем директора средней школы в Челябинской области, в 1994–1995 гг. — заместителем директора по воспитательной работе средней школы № 89 областного центра. После окончания в 1995 г. аспирантуры в Литературном институте имени А. М. Горького работала старшим преподавателем, доцентом кафедры журналистики в Челябинском университете. В 2000–2002 гг. заведовала кафедрой научного обеспечения профессиональной подготовки журналистов ЧелГУ, в 2002–2015 гг. — кафедрой журналистики и медиаобразования.

В 2008 г. Ирина Анатольевна Фатеева защитила в Уральском государственном университете докторскую диссертацию «Журналистское образование в России: теория, история, современная практика» по специальности 10.01.10 «Журналистика». С 2015 г. проживает в Москве, в 2018 г. ей присвоено ученое звание профессора.

Интерес вызывает сам предмет изучения — газетоведение. Не первый день существует в научной среде феномен, который описывается в английской терминологии как *research swagger*, т. е. разновидность исследовательского чванства, непризнание научно-поисковых направлений, описываемых сложносоставным словом с исконно русской составляющей «-ведение».

Не потому ли на обочине наук с 1930-х гг. находилось отечественное краеведение, которое профессиональные историки многие годы не признавали? Этот вирус был передан и общественному мнению. Так, в новой книге Виктора Пелевина «Непобедимое солнце» (2020) действуют «полоумные историки-некроэмпапы». Лишь в конце XX в. встало на ноги религиоведение. Усилиями подвижников типа Бориса Васильевича Павловского, выпускника журфака УрГУ 1945 г., впоследствии — члена-корреспондента Академии художеств СССР, появилось искусствоведение; сегодня оно включает в свой состав музыковедение, театроведение, художественную критику.

Исходным для понимания является представление, что газетоведение — это научное знание, посвященное газете. Появление термина «газетоведение» связывают с именем К. П. Новицкого, который знал и англоязычный термин journalism, и немецкоязычный — Zeitungswissenschaft, и русскоязычное слово «книговедение». К. П. Новицкий придал этому слову значение научного термина, ибо к концу второго десятилетия XX в. уже были первые учебники П. М. Керженцева «Организация и техника газетного дела» (1919), С. Н. Срединского «Основы газетного дела» (1918), которые систематизировали изложение инструкций и советов по газетно-журнальному делу как практической деятельности. В современном толковом словаре русского языка Т. Ф. Ефремовой дано близкое мне понимание термина «ведение»: «Конечная часть сложных существительных, вносящая значение: наука или научная дисциплина, названные в первой части слова (востоковедение, литературоведение, машиноведение, обществоведение, товароведение и т. п.)» [Ефремова].

И. А. Фатеева пишет не только о газетоведении, но и о *научной школе* газетоведения. В истории журналистского образования были, для примера, Московский

институт журналистики, Мичуринская школа журналистики (1934–1938), Челябинская областная партийно-газетная школа, которые упоминаются в монографии. Кроме того, была сеть коммунистических институтов журналистики (КИЖ), кроме Московского и Ленинградского, работали Свердловский (с 1936), Алма-Атинский (с 1934), Куйбышевский, Харьковский (Всеукраинский), Минский (Белорусский) институты журналистики. В постановлении ЦК ВКП(б) «Главнейшие очередные задачи партии в области печати» от 6 февраля 1924 г. рекомендовалось организовать «секции газетного дела» в Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВ), Коммунистическом университете нацменьшинств Запада (КУНЗ).

Такой поворот в исследованиях сегодня имеет особую актуальность. В 1977 г. в подготовленном научными работниками СССР и ГДР сборнике «Школы в науке» появилась разносторонняя интерпретация понятия «научная школа» [Школы в науке]. Совет по грантам Президента Российской Федерации уже в 1998 г. разработал программу поддержки научных исследований молодых российских ученых-докторов наук и государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации [Ведущие научные школы...]. В 2003 г. программа была передана из ведения Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в Министерство науки РФ. В 2005 г. государственная поддержка в рамках субвенций была оказана 518 ведущим научным школам Российской Федерации.

К середине 1990-х гг. появились работы, которые наделяли научные школы зачатками институциональных структур. Понятие «научная школа» стали привязывать к организационным формам научной деятельности [Научные школы...]. Мы тоже отдали должное такому видению в нашей работе «Прикосновение к харизме», в которой институционально описали Свердловский государственный институт журналистики (ГИЖ) как уральскую школу журналистики [Исхаков, Ситникова].

Первые шаги в описании научной школы в области журналистики, безусловно, принадлежит И. А. Фатеевой, которая рассказала о возникновении, основных идеях и характерных чертах научной школы. До этого научные школы в 1977 г. описывали В. Б. Гасилов [Гасилов, с. 119–153], А. В. Огурцов [Огурцов, с. 248–262], В. П. Боярский и Н. А. Гаврюшин [Боярский, Гаврюшин, с. 354–363]. При этом как советские, так и российские научные школы всегда рассматривались скорее как локальный феномен, чем как явление, сопровождающее развитие мировой науки в целом. И. А. Фатеева рассматривает школу газетоведения в широком контексте международного признания отечественного газетоведения (гл. 1, § 10).

Общеизвестно, что научная школа — не только оформленная система научных взглядов, но и научное сообщество, придерживающееся этих взглядов.

Школа предполагает наличие научного лидера (учителя или идеи, после его смерти) и последователей (учеников). В отношении отечественного газетоведения можно определенно сказать, считает И. А. Фатеева, что одного-единственного общепризнанного лидера у него не было (с. 31). Однако выделяются несколько фигур — К. П. Новицкий, Ю. М. Бочаров, М. Ю. Левидов, Я. М. Шафир, А. Л. Курс

и М. С. Гус. Вместе с тем И. А. Фатеева, говоря образно, «загибает пять пальцев» в пользу К. П. Новицкого: во-первых, хронологически он первым употребил в названии своей монографии слово «газетоведение»; во-вторых, он и новую отрасль науки номинативно наименовал газетоведением; в-третьих, институционально был первым ректором первого журналистского вуза в системе формального образования; в-четвертых, предложил структуру новой науки и ее исследовательскую программу и, наконец, был редактором первого в стране периодического издания по журнализму — «Современник».

Автор впервые в литературе описал научную школу газетоведения: ее состав, эволюцию, обстоятельства возникновения и гибели, центры развития, проблематику, инструменты научной коммуникации, формы международного признания. Благодаря этому знания о газетах возводятся в ноосферу (от др.-греч. νοῦς — разум + σφαῖρα — шар; дословно «сфера разума»).

Важной особенностью монографии было персонифицированное представление газетоведения. В школе газетоведения, как и любой школе, должны быть учителя. Автор рассказала о шести лидерах газетоведения: К. П. Новицком (1879–1960), М. Ю. Левидове (1891–1942), Я. М. Шафире (1887–1938), Ю. М. Бочарове (1887–1936), М. С. Гусе (1900–1984), А. Л. Курсе (1892–1937) и их взглядах.

Фатеева возвращает в научный оборот имена ведущих исследователей центров газетоведения (с. 78–139): Н. К. Иванов (Грамен) (РОСТА); И. К. Ситковский, В. А. Кузьмичев (Московский институт журналистики); П. И. Болдин, Е. И. Журбина, П. Я. Хавин, Б. А. Вяземский, М. К. Урлауб (Ленинградский институт журналистики), а также А. С. Бубнов, И. Вардин (Мгеладзе), С. Б. Ингулов, С. И. Кататчиков, Р. П. Катанян, В. Г. Кнорин, В. И. Нарбут, Е. А. Преображенский, Л. С. Сосновский, С. И. Сырцов, Я. А. Яковлев (Центральное бюро секции работников печати ВЦСПС в 1922–1930 гг. и профильные отделы ЦК ВКП(б)).

И. А. Фатеева не соглашается с известным тезисом, что «школы — симптом незрелости науки» [Kuhn]. Мол, с утверждением парадигмы и переходом к «нормальной» науке школы сходят со сцены, ибо устанавливается общность теоретических и методических позиций всех представителей данной науки. В отдельной главе она рассказывает о попытках объединения газетоведов (с. 139–146).

В ноябре 1920 г. возник замысел учредить научный совет Московского института журналистики с правом присвоения почетных званий всем причастным к прессе. Целью деятельности научного совета декларировалась научная разработка: 1) вопроса организации книжного и газетного дела в Советской России и 2) теории газетного курса (ГАРФ [Гос. арх. РФ]. Ф. А-2306. Оп. 18. Д. 587. Л. 98 об).

Следующая попытка была предпринята Союзом российских писателей (СРП) на базе научного кабинета Дома печати (Никитский бульвар, 8): была создана самостоятельная общественная организация — Ассоциация газетной культуры. На организационном собрании выступивший с докладом инициатор создания Я. М. Шафир очертил вполне ожидаемый круг научных исследований: язык газеты, фельетон как жанр, публицистика как отрасль деятельности, изучение читателя, кампании в прессе, эволюция газеты, газетная техника, классификация

газет, иллюстрации в прессе и пр. Именно вокруг них будет в будущем выстраиваться исследовательская деятельность кабинета печати.

Наиболее масштабным способом объединения распыленных сил газетоведов Фатеева считает замысел создания научно-исследовательского института газетоведения на базе слияния двух реально функционировавших структур: научно-исследовательского кабинета ГИЖ и научного кабинета ЦБ СРП. Но проект не был реализован.

Кроме того, И. А. Фатеева обнародовала факт из середины 1920-х гг. Тогда была озвучена идея создания секции журналистики в Институте языка и литературы при Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИИОН), созданной в 1924 г. в Москве (с. 143). Говоря в 1927 г. об идее создания секции журналистики РАНИИОН, ректор ГИЖ С. Д. Муравейский предполагал, что при удачном опыте ее работы она со временем могла бы быть выделена в самостоятельный институт (ГАРФ. Ф. 5214. Оп. 1. Д. 10. Л. 35). В 1930 г. РАНИИОН был закрыт, структуры ассоциации были слиты с Комакадемией. После перехода в состав Коммунистической академии его стали называть ЛИЯ (Институт литературы, искусства и языка) Комакадемии. В нем появилась секция газетоведения и публицистики. Вывод очевиден: задача объединения усилий групп газетоведов так и не была решена по-настоящему. Более того, создание секции в ЛИЯ Комакадемии, происшедшее по инициативе партийно-государственных структур, фактически «знаменовало собой не развитие, а уничтожение научной школы» (с. 146). Большинству «старым» газетоведам был наложен запрет на исследования.

Говоря о научных школах, историк науки Т. Кун отмечал, что общность установок и видимая согласованность, которую научные школы обеспечивают, «представляют собой предпосылки для нормальной науки, то есть для генезиса и преемственности в традиции того или иного направления исследования» [Кун, с. 31].

В октябре 2011 г. в Москве было создано Некоммерческое партнерство «Национальная ассоциация исследователей массмедиа» (НАММИ), которое объединило как граждан РФ и иностранных граждан, так и юридических лиц (общественных и государственных). Мы видим прямое родство НАММИ с Московской школой газетоведения, которая породила региональные научные школы в вузах страны. Идея школы газетоведения 1920-х гг. реинкарнировалась в XXI в. в форме НАММИ.

В любой школе должны быть ученики. В апреле 1924 г. на заседании правления Московского института журналистики был конкретизирован список предметов, по которым вуз имел право оставить студента для подготовки к преподавательской деятельности: 1) всеобщая история печати; 2) история рабочей печати; 3) история русской критики и журналистики; 4) газетная техника; 5) публицистика; 6) фельетон; 7) издательское дело (ГАРФ. Ф. 5214. Оп. 1. Д. 2. Л. 30 об.). Наркомпрос РСФСР выделил ГИЖу четыре аспирантских места, их заняли М. Н. Бочарер (научный руководитель Ю. М. Бочаров), В. А. Кузьмичев (М. С. Гус), Н. Н. Наумов (М. И. Эйшискин), И. К. Ситковский (Ю. М. Бочаров).

В 1924 г. ЦК РКП(б) принял постановления «Главнейшие очередные задачи партии в области печати» (6 февраля 1924 г.) [КПСС о средствах массовой информации и пропаганды, с. 206–209], «Об усилении партийного руководства

печатью и работой издательств» (22 февраля 1924.) [КПСС о средствах массовой информации..., с. 211–212]. Позднее ЦК ВКП(б) принял постановление «О кадрах газетных работников» (11 ноября 1930 г.) [Там же, с. 254–256]. В Московском государственном институте журналистики, по решению ЦК ВКП(б), «сосредоточивается научно-исследовательская работа в области журналистских дисциплин» [О кадрах газетных работников, с. 364]. Культпропотделу ЦК было дано поручение определить контингент аспирантуры [Там же].

В 1930-е гг. аспирантура как форма подготовки научно-педагогических кадров в системе журналистского образования продолжала существовать. В 1931 г. набор в аспирантуру Московского КИЖ вырос по сравнению с 1927 г. в 10 раз, до 40 человек. В Ленинградском и Украинском КИЖ набора в аспирантуру не проводилось, вся наука сосредоточивалась в столице.

Важнейшей характеристикой газетоведения можно назвать *самоорганизацию*. Газетоведение как научная школа не было единым и развивалось синергичными усилиями нескольких групп — РОСТА, Московского ГИЖ, Ленинградского ГИЖ, ЦБ СРП в ВЦСПС и профильных отделов в ЦК ВКР(б). Были сформированы основные разделы газетоведения:

- история отечественной журналистики (Ю. М. Бочаров, И. К. Ситковский, К. П. Новицкий, П. И. Болдин);
- теория информации и информационной деятельности (М. Ю. Левидов, Я. М. Шафир, А. Л. Курс, П. А. Корыхалов);
- теория журналистских жанров, особенно художественно-публицистических (Е. И. Журбина, М. Ю. Левидов, М. С. Гус, А. Л. Курс);
- социология журналистики (Я. М. Шафир, В. В. Кузьмичев);
- теория и практика выпуска и оформления периодических изданий (М. И. Щелкунов, М. Н. Бочарер, Б. А. Вяземский, Н. К. Урлауб);
- языковые аспекты журналистики (П. Я. Хавин, М. С. Гус);
- теория и практика журналистского образования (М. С. Гус, П. П. Блонский, К. П. Новицкий, С. Д. Муравейский).

В 1930-х началась кампания по дискредитации школы газетоведения. В журнале «Журналист» появились критические публикации («Для тревоги есть основания», 1931, № 12). Весь комплекс междисциплинарных изысканий был редуцирован до исключительно филологических исследований, на долгие годы определивших судьбу теории журналистики в СССР (так называемый «филологический флюс»).

Одной из причин прекращения деятельности школы газетоведения следует назвать определенное игнорирование ее создателями партийного руководства, их стремление к самоорганизации. С 1929 г., по мере ослабления оппозиции в партии и усиления генеральной (ортодоксальной) линии, усилилось влияние партийных структур на эволюцию газетоведения в силу его междисциплинарности (с. 138)¹.

¹ Сам И. В. Сталин вмешался во внутренние дела историков, направив в журнал «Пролетарская революция» письмо «О некоторых вопросах истории большевизма» (*Сталин И. В. Сочинения*. Т. 13. С. 84–102), и философов, инициировав принятие в январе 1931 г. постановления ЦК ВКП(б) «О журнале “Под знаменем марксизма”» (КПСС в резолюциях... Т. 5. С. 264–265).

Принятие в 1930 г. постановления ЦК ВКП(б) «О кадрах газетных работников», считает И. А. Фатеева, губительным образом отразилось на развитии независимой от партийных структур газетоведческой науки (с. 131), в 1930–1931 гг. 80 % профессорско-преподавательского состава было уволено. Все остальные центры газетоведения были ликвидированы, в январе 1931 г. срочно был расформирован научный кабинет Центрального бюро секции работников печати ВЦСПС.

Разгром школы газетоведения был первым организационным результатом идеологического контроля в науке. В 1930 г. подверглись разгрому и были запрещены как «троцкистские» первые исследования в области теории информации. Руководство Коммунистического института журналистики, в которое входили ученые М. С. Гус и А. Л. Курс, было объявлено «импортерами буржуазного газетоведения» [Алексеев; История цензуры в России XIX–XX вв.].

В начале XXI в. главными признаками ведущей научной школы называют:

– наличие нескольких поколений в связках «учитель – ученик», объединяемых общим, ярко выраженным лидером, авторитет которого признан научным сообществом;

– общность научных интересов, определяемых продуктивной программой исследований;

– в общем единый оригинальный исследовательский подход, отличающийся от других, принятых в данной области;

– постоянный рост квалификации участников школы и воспитание в процессе проведения исследований самостоятельно и критически мыслящих ученых;

– постоянное поддержание и расширение интереса (публикациями, семинарами, конференциями) к теоретико-методологическим проблемам данного направления науки [Левин, с. 151].

И в заключение о том, чего нет в монографии И. А. Фатеевой. В послесловии она приводит три поучительных истории из произведений Ю. Домбровского «Рождение мыши», Ю. Трифонова «Дом на набережной» и рассказа Вл. Войновича. Войнович вспоминает о встрече с Михаилом Семеновичем Гусом, ярким и амбициозным заведующим кафедрой печати Московского ГИЖа, которому досталась основная порция разоблачительной риторики в рамках кампании 1931 г. по дискредитации газетоведения; о том, что М. Гус в позднесоветский период, отработав свое место в гуманитарной номенклатуре публикациями на «злобу дня», критиковал В. Войновича как писателя, «придерживающегося чуждой нам поэтики изображения жизни “как она есть”». Принося свои извинения за это, М. Гус заплакал. Запоздалые слезы были оценкой битым-перебитым М. Гусом дебютной публикации начинающего, еще небитого Вл. Войновича.

В настоящее время в инструктивных материалах Рособрнауки понятие ведущей научной школы определяется следующим образом: «Ведущей научной школой Российской Федерации считается сложившийся коллектив исследователей различных возрастных групп и научной квалификации, связанных проведением исследований по общему научному направлению и объединенных совместной научной деятельностью» [Ведущие научные школы России]. За 10 лет (1998–2008) из определения научной школы исчез критерий наличия лидера школы.

Пропала также отсылка к историческим традициям организации научных исследований в российской науке. Организационно-идеологический разгром московской школы газетоведения в 1930-х гг. не означает аннулирование ее научных достижений. Развитие междисциплинарных исследований не означает, что не нужны узкодисциплинарные. Междисциплинарность предполагает расширение круга исследований, а не переориентацию.

Новое определение позволяет идентифицировать в качестве ведущей научной школы практически любой коллектив, совместно (в том числе временно) работающий над научным проектом.

Создание предпосылок совместного, синергетического исследования журналистики позволяет перевести теорию журналистики на этап неклассического типа рациональности. Этот факт не отменяет дальнейшего исследования газетоведческой темы. Таков оптимистический вывод из прочитанной монографии И. А. Фатеевой.

Алексеев А. Замечание об истории социологии «с человеческим лицом» // *Телескоп* : журн. (СПб.). 2008. № 3. С. 64.

Боярский П. В., Гаврюшин Н. А. Научная школа как коллективное творческое сознание // *Школы в науке*. М., 1998. С. 354–363.

Ведущие научные школы России : [справочник]. М., 1998. 622 с..

Гасилов В. Б. Научная школа – феномен и исследовательская программа науковедения // *Школы в науке*. М., 1998. С. 119–153.

Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка : в 3 т. : ок. 160 000 слов. М., 2006.

История цензуры в России XIX–XX вв. : учеб. пособие. М., 2001. 358 с.

Исхаков Р. Л., Ситникова М. В. Прикосновение к харизме. Екатеринбург, 2006. 196 с.

КПСС о средствах массовой информации и пропаганды. М., 1987.

Кун Т. Структура научных революций. М., 1977.

Левин А. С. Итоги семилетнего функционирования программы поддержки ведущих научных школ и туманные перспективы ее дальнейшего существования // *Акустика неоднородных сред* : сб. тр. семинара науч. школы проф. С. А. Рыбака. М., 2002. С. 151.

Научные школы Уральского государственного технического университета: история и современность. Екатеринбург, 1995.

О кадрах газетных работников : постановление ЦК ВКП(б) от 11 ноября 1930 г. // *Справочник партийного работника*. М., 1934. Вып. 8. С. 364.

Огурицов А. П. Научная школа как форма кооперации ученых // *Школы в науке*. М., 1998. С. 248–262.

Школы в науке / под ред. С. Р. Микулинского, М. Г. Ярошевского, Г. Кремера. М., 1977. 524 с.

Kuhn T. S. *The Structure of Scientific Revolutions*. Chicago, 1962 ; Москва, 1975.

Рецензия поступила в редакцию 27.01.2021 г.